

путь. На этот путь зоветъ всѣхъ Христосъ Спаситель. И только подвигомъ крестнымъ люди становятся Христовыми: Иже Христовы суть, плоть распяша сострастьми и похотѣми (Гал. V. 24). Вотъ почему всѣ истинные послѣдователи Христа шествовали въ горнюю, небесную страну путемъ скорбнымъ, путемъ подвижничества...

И нашъ незабвенный учитель вѣры и благочестія, почившій о. Гавріилъ, шествовалъ путемъ истинно-христіанскимъ, показавъ намъ при этомъ примѣръ вѣры, любви и надежды. Не будемъ же малодушны, не будемъ скорбѣть о его отшествіи отъ насъ, напротивъ, будемъ надѣяться, что Христосъ давшій намъ неложное обѣтованіе прійти вторично на землю во всей славѣ Божества, воскреситъ почившаго. Иду, сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, наки прииду и поиму вы къ Себѣ, да, идѣже есмь Азъ, и вы будете. И аможе Азъ иду, вѣсте, и путь вѣсте (Іоан. XIV. 2—4). Вотъ какое утѣшительное обѣтованіе далъ Господь апостоламъ и, безъ сомнѣнія, всѣмъ намъ, христіанамъ!

Такое-же утѣшительное обѣщаніе, по примѣру Спасителя, даетъ безмолвно намъ, ученикамъ, нынѣ во гробѣ лежащій дорогой нашъ учитель и пастырь Христовъ, о. Гавріилъ...

Питомцы его, узнавъ о мирномъ и неожиданномъ отшествіи дорогого для нихъ отца—воспитателя, поскорбѣть помолятся о немъ горячими, пламенными молитвами предъ престоломъ Всевышняго, ибо онъ любилъ насъ, своихъ учениковъ, какъ своихъ дѣтей, любили и его мы, ученики, какъ своего отца—учителя, сердечнаго и благопопечительнаго наставника. Да, дорогой нашъ о. ректоръ! ты всегда видѣлъ во всякомъ ученикѣ—питомцѣ прежде всего его *душу* и старался воспитать каждого въ *душу живу* для Бога. Ты смотрѣлъ на ученика, какъ на душу богоподобную, а не какъ на мертвую машину. Ты твердо шелъ наперекоръ совершенной «педагогіи», убивающей и развращающей свѣтлую душу юношей, и тебѣ нерѣдко было прискорбно и больно, когда питомцы твои неохотно или и совсѣмъ не внимали тебѣ и шли иною дорогою...

Прости всѣхъ насъ, дорогой учитель! Помолись за насъ, ибо ты имѣешь дерзновение ко Господу. И мы всѣ молимся за тебя и не престанемъ молиться о прощеніи тебѣ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и согрѣшеній, яко человека.

Твой кроткій, любвеобильный образъ навсегда запечатлѣнъ въ насъ.

Упокой, Боже, Спасе нашъ, съ праведными и со святыми смиреннаго служителя Своего! Помилуй и спаси его молитвами святой Церкви нашей! Вѣрнемъ и вѣруемъ, Господи, что Ты, Праведный и Милосердный, впи-

нешь вѣрнаго, кроткаго раба Твоего въ книгу живота...
Удостой его, Владыко, близкаго съ Собою пребыванія. Аминь.

Слѣдующее затѣмъ, «Слово» произнесено было экспромтомъ передъ самымъ началомъ совершенія чина отпѣваніе почившаго Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Гермогеномъ.

Выясняя характеръ пастырско-педагогической дѣятельности почившаго о. ректора, Преосвященнѣйшій Владыка указалъ на осуществленіе въ ней великой ревности о строеніи «дома Божія» въ сердцахъ врученной почившему паствы, согласно Слову Божию (Псал. 68, 10; ср. Ев. Іоанн. 2, 17).

«Слово» Преосвященнаго Владыки, сказанное отъ сердца къ сердцу и отмѣненное неподдѣльнымъ уваженіемъ къ памяти почившаго о. ректора, произвело на молящихся глубокое и вмѣстѣ скорбное впечатлѣніе: многіе изъ нихъ плакали искренними слезами, сознавая въ этотъ печально-торжественный моментъ, что не стало добраго, сердечнаго человека—начальника учебнаго заведенія. *) Не разъ показывались слезы на глазахъ самаго Преосвященнаго—Оратора, лучше, конечно, другихъ знавшаго, что за человекъ былъ почившій...

Послѣ этихъ двухъ «словъ» произнесены были еще три «Рѣчи». Первую изъ нихъ отъ лица сослуживцевъ Г. І. произнесъ (послѣ прочтенія перваго евангелія) преподаватель семинаріи, «сороботникъ почившаго, протоіерей Іос. П. Кречетовичъ.

Въ своей рѣчи ораторъ выразилъ глубокую вѣру въ то, что на кроткомъ Г. И. оправдаются слова Спасителя; «блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю» (Еванг. Матф. 5, 5) и что посему вѣчный покой почившаго будетъ ему въ честь.

Вторую «Рѣчь» произнесъ (передъ пѣніемъ «Со святыми упокой») бывшій ученикъ почившаго о. ректора, студентъ семинаріи, Вас. Орловъ.

Р Ѣ Ч Ъ.

По врожденной намъ любви къ жизни мы боимся смерти и нерѣдко плачемъ объ умершемъ. Между тѣмъ тайновидецъ Іоаннъ, прозиравшій духомъ въ загробную область, свидѣтельствуетъ, что тѣ изъ нихъ, которые умираютъ во Христѣ, не только живутъ, но и блаженствуютъ. «Я слышалъ», говоритъ онъ, «голосъ съ неба,

*) Сердечность почившаго не исключала, однако, въ немъ самостоятельности: рѣчь была нужна, онъ былъ вполнѣ самостоятеленъ, но самостоятельность свою онъ растворялъ разумною сорочечностью. Во всякомъ случаѣ, «вергътъ имъ нельзя было. И напрасно «Сарат. Дневникъ» (въ одномъ изъ №№ между 14—16 числами сего Іюля) утверждаетъ что при покойномъ о. ректорѣ, по его безхарактерности, дѣла въ семинаріи вершили инспекторы посѣдней, г. Целебровскій, и другія лица. Это—совершенная ложь.

говорящій мнѣ: «напиши»: отнынѣ блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ. Ей, глаголетъ Духъ, они упокоятся отъ трудовъ своихъ и дѣла ихъ идутъ во слѣдъ за ними» (Апок. XIV. 13).

Къ сонму такихъ блаженныхъ людей надлежитъ отнести и почившаго, дорогого нашего о. ректора, котораго гробъ мы видимъ передъ собою. Онъ дѣйствительно блаженъ, потому что умеръ въ Господѣ, съ вѣрою въ Божественнаго Искупителя. Онъ блаженъ, потому что успокоился отъ трудовъ своихъ, которые были очень разнообразны и тяжелы, такъ какъ почившему пришлось трудиться въ столь страшную годину, когда онъ принималъ дѣятельное участіе въ великомъ дѣлѣ успокоенія насъ, пылкихъ и отзывчивыхъ юношей, способныхъ въ одну минуту натворить Богъ знаетъ что. Онъ блаженъ, потому что дѣла его, стяжавшія ему большую честь и славу въ его служебномъ отношеніи, пошли въ слѣдъ за нимъ въ вѣчность и справедливо оцѣнятся праведнымъ Судіей. Онъ блаженъ, потому что правосудный Богъ, обѣщавшій дать мзду и тому, кто подастъ только чашу воды во имя Господне, безъ сомнѣнія, удостоитъ великой награды того, кто совершалъ много важныхъ дѣлъ во славу Божию, ко благу молодыхъ людей.

Между тѣмъ, посмотрите на почившаго: какъ спокойно и безмятежно лице его! И это отъ того, что онъ въ вѣрѣ и благочестіи совершилъ свое земное поприще, съ дѣтства напоенный духомъ вѣры и благочестія и до конца сохранившій въ себѣ сердце, не помнящее обидъ и всегдѣ желавшее дѣлать добро. Отсюда происходила и та простота, которою онъ такъ рѣзко отличался отъ другихъ людей, и то добродушіе и радушіе, и та неприступность и благость, которыя такъ явственно обнаруживались въ словахъ и дѣлахъ его и оставили въ каждомъ изъ насъ, кто только зналъ его, самую добрую и свѣтлую память о немъ.

Смотря на гробъ и обозрѣвая мысленно жизнь усопшаго незабвеннаго и дорогого нашего о. ректора, мы съ утѣшеніемъ можемъ сказать, что онъ подвизался подвигомъ добрымъ на поприщѣ своего служенія и, какъ наставникъ, особенно отличался искусствомъ размягчать сердца наши любовью и кротостью, научать долготерпѣнію. Къ величайшему же несчастью его питомцевъ, вступилъ онъ на ректорское служеніе уже въ тѣлесныхъ недугахъ; болѣзни видимо сокращали дни его жизни, однако-же онъ не переставалъ трудиться, сколько могъ и какъ могъ. *)

Но мы должны теперь не столько сожалѣть о кончинѣ нашего о. ректора, сколько благодарить Бога за то,

*) Совершенно вѣрно: онъ и умеръ за работой, а не «во время закуски» въ «казенной квартирѣ», какъ было сказано вскорѣ послѣ его смерти въ одномъ изъ ЖЗЖ «Приволжскаго Края». Не понимаемъ, что хотѣлъ сказать этимъ авторъ замѣтки (въ ней всего 4—5 строкъ)?! Во всякомъ случаѣ сказано скверно!.. В. С.

что Онъ даровалъ почившему жизнь, помогъ ему пройти земное поле ея съ честью для него и пользою для насъ и другихъ.

Сердце твое, дорогой о. ректоръ, всегда было открыто для насъ, намъ не тѣсно было въ тебѣ. Но если въ сердцахъ нѣкоторыхъ изъ насъ ты встрѣчалъ тѣсноту и видѣлъ въ иныхъ изъ насъ измѣнчивость, холодность и пренебреженіе о своемъ существенномъ благѣ и другіе какіе-либо недостатки, то просимъ и со слезами молимъ тебя, горячо—любимый о. ректоръ, простить намъ все это. Намъ никогда не забыть, какъ естественныя наши немощи всегда исторгали изъ очей твоихъ слезы... О, если бы намъ всегдѣ сдѣлаться и быть такими, какими ты желалъ видѣть насъ, когда ходатайствовалъ за насъ...

Итакъ, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей однокласниковъ *) скажу: дорогой о. ректоръ! ты умеръ, но твоя душа и образъ твой всегда съ нами! Ты своимъ примѣромъ для насъ, твоихъ бывшихъ питомцевъ, живъ и будешь жить! Доказательствомъ же этого прими отъ насъ увѣреніе въ томъ, что мы сердечно желаемъ и будемъ всегда поминать тебя, какъ наставника и руководителя своего въ своихъ еще слабыхъ юныхъ молитвахъ.

Помолимся же Господу, да проститъ Онъ усопшему все согрѣшенія его, вольныя и невольныя и не лишитъ его за нихъ той мзды, какаѣ уготована на небѣ всегдѣ подвизавшимся на землѣ подвигомъ добрымъ. Упокой же Господи душу усопшаго, новопреставленнаго раба Твоего, протоіерея Гавріила въ мѣстѣ свѣта, въ мѣстѣ значнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, избавь его отъ всѣхъ болѣзней и въздыханій и сотвори ему вѣчную память! Аминь.

Рѣчь г. Орлова произвела сильное впечатлѣніе, главнымъ образомъ, на его товарищей, бывшихъ и настоящихъ учениковъ семинаріи, находившихся въ соборѣ въ числѣ 12—15 человекъ—вся наличность питомцевъ почившаго, постоянно, даже и въ каникулы, проживающихъ въ Саратовѣ.

По окончаніи чина отпѣванія гробъ съ останками почившаго поднять былъ на руки о.о. протоіереями и священниками и обнесенъ вокругъ собора въ предшествіи Пресвященнаго Владыки, который, по обнесеніи, возвратился въ соборъ, не могши сопроводить останковъ далѣе по болѣзни, которая, кстаги сказать, не позволила ему, не смотря на сердечное его желаніе, совершить заупокойную литургію по почившемъ. Въ тоже время гробъ приняли на руки сыновья почившаго, которыхъ, на не далекомъ разстояніи отъ собора, смѣнили ученики усопшаго о. ректора и уже не выпускали гроба, не смотря на желаніе многихъ смѣнить ихъ, изъ своихъ рукъ, донеся его вплоть до могилы (въ мужскомъ монастырѣ) и

*) Кончившихъ курсъ семинаріи въ 1905—6 учебномъ году. Б. О. ;

какъ-бы свидѣтельствуя этимъ, въ своемъ родѣ, подвигомъ своимъ, какъ дороги имъ останки любившаго ихъ и любимаго ими при жизни начальника-наставника!

На могилѣ почившаго была отслужена послѣдняя панихида, въ концѣ которой ученикъ VI класса Семинаріи Феодоръ Никаноровъ произнесъ послѣднюю, а по общему счету—третью «Рѣчь».

Р ѣ ч ь .

При жизни ты любилъ, о ректоръ, когда ученики твои приходили къ тебѣ за совѣтомъ, или даже такъ—просто побесѣдовать, такъ позволь же мнѣ и теперь, въ послѣдній разъ поговорить съ тобой и хоть этимъ облегчить сердце свое.

Твоя смерть такъ поразила, такъ взволновала насъ, учениковъ твоихъ, что я затрудняюсь выразить въ словахъ тѣ чувства, которыми полны въ эти минуты наши сердца. Твоя смерть поразила насъ неожиданностью: къ ней мы не были подготовлены и поэтому она особенно тяжела для насъ. Умъ совершенно не хочетъ мириться съ мыслию о твоей кончинѣ,—съ мыслию, что тебя уже больше нѣтъ и не будетъ среди насъ. Но неужели этотъ гробъ заключаетъ въ себѣ все, что многіе изъ насъ, воспитанниковъ твоихъ, такъ высоко цѣнили и уважали въ тебѣ—это твое доброе, разумное, чисто-родительское отношеніе къ нуждамъ близкихъ тебѣ семинаристовъ?

Еще такъ недавно мы видѣли тебя бодрымъ настолько, что въ разговорѣ съ нами ты изъявлялъ полную готовность свою помогать намъ въ достиженіи нашихъ стремленій, насколько это было возможно и отъ тебя зависѣло.

Я какъ сейчасъ слышу твои слова: «Други, повѣрьте мнѣ, вѣдь я искренно люблю васъ! Питайте ко мнѣ больше довѣрія, и жизнь ваша пойдетъ вполне нормально». А теперь ты лежишь въ гробѣ и безмолствуешь!

Смерть помѣшала тебѣ провести въ жизнь нашей семинаріи всѣ тѣ добрыя начала, съ которыми ты вступилъ на свой трудный постъ. Твоя дѣятельность въ семинаріи не могла ознаменоваться какими либо громкими реформами и нововведеніями, (что, конечно, зависѣло отъ общихъ условій времени, касаться которыхъ мы здѣсь не будемъ), такъ что прошла, быть можетъ, незамѣтно для тѣхъ, кто хотѣлъ видѣть въ тебѣ прежде всего ректора-администратора; но тотъ, кто обращался къ тебѣ, какъ къ искренне-доброму человѣку, наставнику и воспитателю за совѣтомъ и наставленіемъ, тотъ всегда находилъ въ тебѣ отзывчивое, чувственное сердце и получалъ чисто-родительскіе совѣты и наставленія. И этого нельзя было не цѣнить: въ такое бурное время, какое выпало на твое ректорство, ты старался зашищать своихъ воспитанниковъ отъ непріятностей и за-

ботился о томъ, чтобы они мирно и спокойно занимались своимъ прямымъ трудомъ.

Такія качества дороги въ лицѣ начальствующемъ, дороги, и многіе изъ учениковъ успѣли оцѣнить ихъ, не смотря на недолговременность твоего пребыванія въ семинаріи. Да, ты былъ, безъ преувеличенія, добрымъ для семинаристовъ, и хотя мы нерѣдко доставляли тебѣ огорченія, ты, отечески любя насъ, умѣлъ забывать и прощать намъ эти огорченія.

Здѣсь, у твоего гроба, въ послѣдній разъ хотѣлось бы сказать очень многое, но печаль, переполняющая сердце, заграждаетъ уста. Но ты теперь и не нуждаешься въ нашихъ рѣчахъ. Самое важное для тебя теперь—наша молитва, и мы, помня твою любовь къ намъ, будемъ возносить за тебя теплыя молитвы къ престолу Всевышняго.

Прощай на вѣки, дорогой о ректоръ! Намъ, благодарнымъ ученикамъ твоимъ, долго памятна будетъ твоя добрая, любящая душа, твое христіанское смиреніе, по которому ты въ каждомъ воспитанникѣ видѣлъ своего близкаго, родного!

Прощай и прости насъ. Аминь.

Эта, согрѣтая неподдѣльною любовью къ почившему, рѣчь г. Никанорова вызвала у стоявшихъ вокругъ могилы родныхъ и постороннихъ почившему лицѣ обильныя слезы, и монастырскій хоръ не сразу могъ начать пѣніе «Со святыми упокой»...

Но вотъ панихида кончилась... Отдавшіе почившему «послѣдній долгъ» верениемъ потянулись съ монастырскаго кладбища въ роцѣ къ выходнымъ воротамъ, Шли молча, съ опущенными головами. На лицахъ у всѣхъ была печаль.

Каждый, подражая евангельскому, стоявшему при крестѣ Спасителя сотнику, думалъ: «воистину онъ былъ *человѣкъ*, какихъ мало»...

В. П. Соколовъ.

По поводу замѣтки «къ отчету по свѣчному заводу за 1904 годъ», помѣщенной въ №№ 24 и 25 Саратовскаго Духовнаго Вѣстника за 1906 годъ.

(Продолженіе).

Что касается счетовъ №№ 2 и 3 недвижимаго и движимаго имущества Комитетъ считаетъ нужнымъ объяснить слѣдующее: 1) остатокъ недвижимаго имущества къ 1905 году показанъ въ суммѣ 51 515 руб. 63 коп. не по увеличенной, а по дѣйствительной стоимости: вѣзданія на свѣчномъ заводѣ показаны по оцѣнкѣ, принятой на страхъ отъ огня Страховыми Обществами, мѣсто подъ заводомъ—по покупной цѣнкѣ (въ дѣйствительности оно въ настоящее время стоитъ много дороже), старо-училищное мѣсто—по примѣру прежнихъ отчетовъ, а